

My name is Lear
(Репетиция)

Stand-up трагикомедия по мотивам трагедии Шекспира «Король Лир»
(Использованы фрагменты «Короля Лира» в переводе Бориса Пастернака — менее 20% от текста пьесы)

*Посвящаю Анатолию Мозжухину, автору книги «Власть», Председателю ЗемШара
Публикация памяти заслуженного артиста Украины Юрия Жеребцова (1947 — 2019)*

Действующие лица

Актёр, репетирующий роль короля Лира

Гонерилья, Регана, Корделия, Шут — подразумеваемые персонажи (без слов — из сидящей в зрительном зале публики). Также подразумевается, что в зале присутствуют и другие персонажи Шекспира: герцог Корнуэльский, герцог Альбанский, герцог Бургундский, король Французский, свита и все остальные действующие лица, к кому Лир так или иначе обращается по ходу спектакля.

Несценические персонажи (тоже без слов)

Время действия — наши дни (2018-2019 гг.).

Актёр, одетый по-домашнему, отрешённо прохаживается на авансцене, о чём-то размышляя. Бормочет, обращаясь к самому себе, пробуя фразы на вкус: «My name is Lear», «Я Лир, тот самый Лир», «Я Лир или не Лир?», «О да, я Лир!», «Великий Лир», «Нет — несчастный Лир!». В зависимости от смысла реплики меняются его осанка и выражение лица. Во время этого внутреннего монолога актёр, не показывая того, выбирает в публике «Гонерилью», «Регану», «Корделию» и «Шута», к которым будет по ходу пьесы обращаться как к реальным персонажам трагедии Шекспира. Наконец, словно сбросив тяжесть раздумий, подаёт первую реплику.

АКТЁР. Ну, хорошо, начнём.
Вас посвятим
В заветные решенья наши глубже.
Подайте карту мне. Узнайте все:
Мы разделили край наш на три части.
Ярмо забот мы с наших дряхлых плеч
Хотим переложить на молодые
И доплестись до гроба налегке.
Сын Корнуэл наш, и ты, любимый столь же
Сын Альбани, сейчас мы огласим,
Что мы даём за дочерьми, чтоб ныне
Предупредить об этом всякий спор.
Король Французский и Бургундский герцог,
Два знатных соискателя руки
Меньшой из дочек, тоже ждут ответа.
И так как мы с себя слагаем власть,
Права на землю и правленье краем,
Скажите, дочери, мне, кто из вас
Нас любит больше, чтобы при разделе
Могли мы нашу щедрость проявить
В прямом согласье с вашею заслугой.

Ты, Гонерилья, первой говори. (*Спускается в зал, напряжённно ждёт ответа «Гонерильи».*)

Да, (*удовлетворённо*) ты сказала то, чего я ждал:

«Моей любви не выразить словами.
Вы мне милей, чем воздух, свет очей,
Ценней богатств и всех сокровищ мира,
Здоровья, жизни, чести, красоты,
Я вас люблю, как не любили дети
Доныне никогда своих отцов.
Язык немеет от такого чувства,

И от него захватывает дух». (*Во время этого монолога от лица «Гонерильи» актёр поглядывает в сторону «Корделии».*)

Что ж, отдаём тебе

Весь этот край от той черты до этой,
С лесною тенью, полноводьем рек,
Полями и лугами. Им отныне
Владей навек с супругом и детьми.

Что скажет нам вторая дочь — Регана,

Жена Корнуэла? Говори, дитя. (*Ждёт ответа, по-прежнему поглядывая в сторону «Корделии».*)

И снова (*с торжеством в голосе*) то, чего я ожидал:

«Отец, сестра и я одной породы,
И нам одна цена. Её ответ
Содержит всё, что я б сама сказала,
С той небольшою разницей, что я
Не знаю радостей других, помимо
Моей большой любви к вам, государь».

Даём тебе с потомством эту треть
В прекрасном нашем королевстве. Ширью,
Красой и плодородьем эта часть
Ничуть не хуже, чем у Гонерильи.

Что скажет нам меньшая дочь, ничуть
Любимая не меньше, радость наша,

По милости которой молоко
Бургундии с лозой французской в споре?

Что скажешь ты, чтоб заручиться долей
Обширнее, чем сестрины? Скажи. (*Ждёт ответа.*)

Как ничего? (*Пауза — словно в ожидании, что прозвучат ещё какие-нибудь слова; возвращается на авансцену.*)

Из ничего и выйдет ничего!

Ты объяснись... Да что ты там лепечешь (*передразнивая*):

«К несчастью, не умею
Высказываться вслух. Я вас люблю,
Как долг велит, — не больше и не меньше».

Корделия, опомнись и исправь
Ответ, чтоб после не жалеть об этом!

(*«Слыша» ответ, с недоумением повторяет его за «Корделией».*)

«Вы дали жизнь мне, добрый государь,
Растили и любили. В благодарность
Я тем же вам плачу: люблю вас, чту
И слушаюсь. На что супруги сестрам,
Когда они вас любят одного?

Наверное, когда я выйду замуж,
Часть нежности, заботы и любви
Я мужу передам. Я в брак не стану
Вступать, как сестры, чтоб любить отца».
Ты говоришь от сердца?
Так молода — и так черства душой?
Ах! Ты считаешь, что ты прямодушна?
Вот и бери ты эту прямоту
В приданое. Священным светом солнца,
И тайнами Гекаты, тьмой ночной,
И звездами, благодаря которым
Родимся мы и жить перестаем,
Клянусь, что всенародно отрекаюсь
От близости, отеческих забот
И кровного родства с тобой. Отныне
Ты мне навек чужая.
Корнуэл и Альбани, к своим частям
Прибавьте треть Корделии. Гордыня,
Которую она считает прямотой,
Пусть ей сама подыщет мужа. Облекаю
Обоих вас всей полнотою прав,
Присущих высшей власти. Жить я буду
По месяцу у каждого из вас
Поочередно и зачислю в свиту
Сто рыцарей себе. Мне с этих пор
Останется лишь королевский титул.
Теперь — Корделия!
Бургундский герцог, с вас начнём.
Берёте вы её с таким приданым?
«Лишь с тем, что предлагалось прежде»?
Мы, герцог, раньше дорожили ею.
Не то теперь. Её цена упала.
Теперь берите всю её, как есть,
С немилостию нашею в придачу.
Я не меняю клятв! Вы, Франции король,
Что скажете? (*Вновь повторяет «услышанное».*) «Лишь та любовь — любовь,
Которая чуждается расчёта»?
Вы женитесь на ней? «Она сама
Дороже всех приданных»?..
Она твоя, король. Иди с ней прочь,
Нам с ней не жить. Она не наша дочь.
Ступай от нас без ласкового слова
И без благословения отцова.

Раздаются резкие, требовательные звонки со стороны входной двери в квартире актёра. Далее актёр ведёт «диалог», либо приоткрыв входную дверь, либо через дверь, не открывая, оставаясь на авансцене.

АКТЁР (*всё ещё в образе Лиры*).
Кто там? Какой ещё горгаз?
Вы были здесь позавчера —
И даже сами сняли показанья!
Какие могут быть несовпадения?
Я точно помню: сто четыре куба!

Я их и передал по телефону!!!
Нет, я вас не впущу перепроверить!
Я просто не одет. Я гол и наг!

Бездомные, нагие горемыки...
Да, я живу один! Лимит я не превысил!
Вот пусть начальство ваше перепроверяет!

Внезапно выпадает из образа. Ходит по квартире.

Порепетируешь тут с вами! Я точно помню: сто четыре куба! Я помню — эту цифру я и передал! Было время,

Своим прекрасным острым палашом
Заставил бы я всех их тут попрыгать.
Не то теперь...

Тяжело садится на стул посредине сцены, закрывает глаза, подносит к губам воображаемый музыкальный инструмент — трубу (возможно, саксофон или тромбон, это зависит от исполняемой мелодии). Звучит «Колыбельная» Гершвина («Summertime») из оперы «Порги и Бесс». Актёр самозабвенно играет для самого себя. Наконец отводит трубу от губ.

Я лабух, которого занесло в театр. Ресторанный лабух... Думаете, ресторанные лабухи не музыканты? Или те, что идут за гробом и лабают Шопена, — не музыканты? Нет... на похоронах я не играл... А если бы играл?... Главное — не где. Главное — как! А я знал — как! И умел. И слушали... как слушали... «было время»... И обязательно кто-нибудь подходил к оркестру: «Эдик, выдай!..» И я лабал... да так, что вся душа наизнанку...

Снова подносит к губам воображаемую трубу, но передумывает.

Нельзя играть Лира несчастным. Ни несчастным, ни безумным. Но всё потеряв... Но прозреть — даже всё потеряв! — разве это не счастье? Зачем вставил Шекспир в «Лира» ещё и Глостера?.. Вставная фигура... Вставная трагедия... Чтобы зритель лишний раз содрогнулся, когда его ослепляют? Чтобы глазные яблоки Глостера покатались по сцене и кто-нибудь раздавил их каблуком?.. Нет, что-то же хотел Шекспир сказать... Что Глостер уже не прозреет... но прозревает Лир... И разве прозрение не может смахивать на безумие?.. А счастье — не род безумия?

Стою по ночам в темноте на балконе, курю... потому и курю, что не могу заснуть... и чёрт-те что лезет в голову... И заснуть не могу, потому что чёрт-те что лезет...

Подносит к губам воображаемую трубу, проигрывает фразу из Гершвина.

Я лабух, которого безумно потянуло в театр...

А театр... И денег сразу стало меньше... И из зала никто не кричал: «Лабай, Эдик!» Но ведь это — театр. Это магия... Нет, сначала думал, что и на сцену буду со своим инструментом выходить... как... как Высоцкий выходил с гитарой... Не сбылось, ну и что? Если театр сам по себе — магия?

Проигрывает ещё одну фразу из Гершвина.

Я на театральном потом поступил — ещё и колебался. Боялся: вот начнут учить, как эту магию на пружинки и шестерёнки раскладывать, так она и исчезнет... А не исчезла!.. А стал бы я поступать, если бы не армия? Я и не ждал — а вдруг призвали... А казарма не ресторан. Не магия театра... Хотя... и там такой театр! «Курим, бойцы? После отбоя? Нехорошо! А ваш товарищ старшина желает выпить!» И найди, где хочешь, извернись, выкрутись, выпроси... это когда уже все магазины закрыты... хоть укради, наконец, но принеси... а потом ещё и компанию составь... И вдруг нашлась лазейка — в институт поступить. И извернулся, выкрутился, исхитрился — а поступил. И, конечно, на театральном...

Ладно, что дальше? (*Достаёт из кармана тетрадку, перелистывает.*) Это пропустим... Это тоже... Пожалуй, это. Ключевой момент. (*Пытается вернуться в образ Лира*).

Куда девалась половина свиты?

Их было сто, а стало пятьдесят.

Вот до чего дошло! Ну, будь что будет.

Ещё другая дочь есть у меня.
Она добра. Я на неё надеюсь.
Я расскажу ей про тебя. Она
Ногтями исцарапает, волчица,
Лицо тебе! Не думай, я верну
Себе всю мощь, которой я лишился,
Как ты вообразила. Я верну! (*Вновь выходит из образа.*)

Вернёшь ты (*с усмешкой*), как же! Думаешь, твои дочери не понимают, что сто вооружённых рыцарей при тебе не просто свита. И что с сотней всадников!.. Да? Им это нужно?.. И скоро ты останешься с одним шутом! (*Словно пробует эту фразу на вкус.*) Останешься с шутом... Останешься шутом!.. Что скажешь, шут? Нет-нет, не говори, я знаю сам:

«Увидишь, как милостиво примет тебя другая дочь. Хотя одна похожа на другую, как лесное яблоко на садовое, на вкус обе окажутся такими же кислыми, как два лесных яблока. А можешь сказать, почему нос на лице у человека посередине? Чтобы иметь по обе стороны от себя по глазу. Чего не разнюхает нос, то глаза досмотрят. А зачем улитке домик? Чтобы было куда всовывать голову, а не подставлять её под удары дочерям вместе с незащищёнными рожками. Если бы ты был моим шутом, дяденька, я бы всегда колотил тебя за то, что ты состарился раньше времени. Нельзя было стариться, пока не поумнеешь».

Выходит из образа шута.

Не дайте мне сойти с ума, о боги!
Пошлите сил, чтоб не сойти с ума!

Снова резкие требовательные звонки со стороны входной двери.

Кто там? Опять горгаз? Водоканал? Что?.. Но я же передал по телефону! Конечно, помню: сто четыре куба! Нет, не впускаю, я болен, очень болен, я не хочу вас заразить!.. Что у меня? Эта... африканская... свинка!.. Вот заразитесь — тогда и узнаете... когда захрюкаете!

А как мечтал сыграть Лира мой друг Жорка Хонинев! Нет, сначала, конечно, — Гамлета. Все по молодости бредят Гамлетом! Потом раздобрел, погрузнел... Смотрит на себя в зеркало и спрашивает: «Ну, и какой из тебя теперь Гамлет, Георгий?» И сам себе отвечает: «А я теперь Лира хочу!» А я бы с ним на пару шута сыграл... С радостью! Толку-то... Всё равно у нашего главрежа на «Гамлета» и «Лира» кишка была тонка! Жорка у него в «Береге» играл. Ну да, писателя — фактура подходящая...

Бредовая история этот «Берег»: «У нас любовь была, да мы расстались, она кричала всё, сопротивлялась...» Эмма и Вадик. Вадик и Эмма. Немка. И война. Сорок пятый, бои за каждый немецкий город, кровь рекой... а у них — любовь!.. Н-да... Старшие братья в вермахте. Младшие — в гитлерюгенде. Жених вообще на Курской дуге сгорел. В танке. Живое. Ежу понятно, что она после этого полюбила красноармейца!.. Да! Такое только ради послевоенной советско-немецкой фройндшафт можно было написать! Им тогда до любви было? Вадику и Эмме?.. Да ещё в городке, который был не в советской, а в американской зоне! Как это Вадика в американскую зону занесло? А?.. Леня было автору на карту посмотреть?! Нет, он, конечно, написал, что Кёнигсдорф — пригород Берлина. Ну, если по немецким автобанам, да без ограничения скорости — может, и пригород... И вот через 26 лет наш Вадик, который уже не Вадик, а известный советский писатель, приезжает в Гамбург, и снова встречает свою Эмму... Да! Кино и немцы!

Хорошо, что в пьесе всё задом наперёд: в первом акте — 1971-й, а 1945-й — во втором. Для Жорки хорошо. Потому что в антракте вдруг выяснилось, что Жорка — уже ни уха ни рыла. В смысле — до поросычьего хрю-хрю! Нет, пятьдесят грамм перед выходом — это святое! Для куражу! Я сам с ним на пару в гримёрке для куражу принял! Для его куражу, конечно, — сам-то я в спектакле не был занят, я в зал пошёл. Хотя мне для куражу тоже не мешало — чтобы в нужных местах аплодировать. С куражом! Это я уже после узнал: фляжка с коньяком у него в кармане была. Нет чтобы с другом разделить — а он всё сам. Сначала по пятьдесят перед **каждым** выходом... А может, и не по пятьдесят — когда с горла, трудно

понять — это уже пятьдесят или ещё нет? А когда первый акт закончился — он и всё остальное. На радостях. Что первый акт кончился...

И вот сижу я себе в зале, ни о чём таком не думаю, а меня за руку помреж хватает и за кулисы тащит: будешь во втором акте Вадиком!.. Я, конечно, тоже в кураже, но ведь не так, как Жорка! Ну, быстренько его гимнастёрку на меня ушили, мне для куражу ещё пятьдесят грамм дали — и на сцену! Антракт, правда, затянули... Зато мне потом даже в трудовую книжку благодарность записали — за спасение спектакля! Ну и что?.. Я, что ли, не срывал спектаклей? И выговоры мне тоже записывали. И... где она теперь, та трудовая книжка?.. Где-где? В кураже!..

На самом-то деле всё наоборот должно быть! Гамлета не в молодости надо играть! «Быть или не быть?» А когда ты постарше. Нет, ответа всё равно не знаешь, но, по крайней мере, смысл вопроса уже понятен...

А Лира — в молодости. Подумаешь, возрастная роль — загримируют! «Нельзя стариться, пока не поумнеешь...» Вот и надо его играть, пока ещё сам не поумнел... (Пауза.)

Вновь садится на стул и подносит к губам воображаемый саксофон. Звучит «Поезд на Чаттанугу» из репертуара оркестра Гленна Миллера (композитор — Гарри Уоррен).

Да, Уильям, что-то ты здесь недодумал... Он что, Лир, он от скудного ума всё это затеял? Он же всем как лучше хотел! И дочерям! И себе. Чтоб нормальная пенсия была, а не те гроши, которые сейчас платят. Чтобы по миру поехать! На недельку к одной дочери: попьанствовать вволю, отлежаться — и к другой. А там и в Бургундию можно. Молочка попить! Оно у них бургундским зовётся. Да и Коньяк — неплохое местечко. И Шампань... А почему нет? Он же — король. И без земель, без податей и власти — он равен самому себе!.. Вот он и убедился... что равен самому себе...

Дуй, ветер! Дуй, пока не лопнут щеки!

(Во всю ширь раздвигает руки и словно противостоит ураганному ветру.)

Лей, дождь, как из ведра и затопи

Верхушки флюгеров и колоколен!

Вы, стрелы молний, быстрые, как мысль,

Деревья расщепляющие, жгите

Мою седую голову! Ты, гром,

В лепешку сплюсни выпуклость вселенной

И в прах развевай прообразы вещей

И семена людей неблагодарных!..

И нет выбора. Или смириться, или сойти с ума... «Своим прекрасным острым палашом...» А ведь они плоть от плоти твоей!..

И только Корделия... Корделия, которую он прогнал... Униженная... Растоптанная... Почти что проклятая... Им же — проклятая... Корделия... Только Корделия остаётся ему верна... Она что, в маму пошла? Или просто любит?.. Любит... Верна...

«Дуй, ветер, дуй...» «Своим прекрасным острым палашом...»

Я бы эту сцену так решил: Лир — на авансцене, а на заднем плане — замок. И там тепло... Горячий огонь в камине... Свечи горят — и никакой ветер их не задувает!.. Жизнь продолжается... Без него... Без Лира... Потому он и кричит: «Лей, дождь, как из ведра и затопи верхушки флюгеров и колоколен!» Дуй, ветер, дуй... А по крепостной стене идёт фигура в белом... Одевание развевается на ветру... Но фигура идёт ровно, словно нет никакого ветра... Это образ Корделии. Это образ души Лира, о которой он даже не знал, что она у него есть...

Какую бы актрису на стену загнать?.. Нет, наших нельзя — они и без ветра свалятся...

Ищущим, напряжённым взглядом обводит зрительный зал — пока у зрителей не возникнет ощущение, что актёр выбирает, кого из женщин он мог бы загнать на верх крепостной стены.

Нет... Это только Корделии под силу — идти против ветра так, словно нет его и в помине... Потому что...

Но ведь в конце она всё равно гибнет!.. Гибнет!.. Корделия!..

В глубине сцены звонит телефон, актёр снимает трубку.

Корделия?.. Корделия... Но ведь тебе нравилось, когда я тебя так называл!.. Что? Больше не имею права? А ты?.. Я тебя люблю, а ты так и не смогла сказать... А вот когда поймёшь, тогда и звони (*швыряет трубку*).

Корделия...

Резкие звонки во входную дверь.

Кого опять чёрт принёс? Горгаз? Водокнал? Ага! Теперь — энергосбыт! Вы там что, сговорились все сегодня? Я передал показания — сто четыре куба! Сверяйте — счётчик на стене! Что? Вы разве не в кубах измеряете? В киловатт-часах? Ладно, пусть киловатт-часы. А то скоро ещё и плату за воздух введут и всем счётчики поставят. Они тоже будут не в кубах измерять! Учтите, вам тоже платить придётся! В кубических сантиметрах! Один вдох — и извольте, пять тысяч кубиков! Что?.. Квитанции на следующий квартал? В почтовый ящик!

А *они себе* счётчики ставить будут?.. А?.. Или примут закон — и мы будем платить, они — нет? Они-то другим воздухом дышат...

И зачем счётчики, когда они нам и так кислород перекрыли?..

Дуй, ветер, дуй!..

Когда они нажрут, наконец? То цены, то тарифы. То тарифы, то цены! Мы подняли тарифы, потому что выросли цены. А мы подняли цены, потому что выросли тарифы! Шекспира на них нет!

Бездомные, нагие горемыки,
Где вы сейчас? Чем отразите вы
Удары этой лютой непогоды —
В лохмотьях, с непокрытой головой
И тощим брюхом? Как я мало думал
Об этом прежде! Вот тебе урок,
Богач надменный! Стань на место бедных,
Почувствуй то, что чувствуют они,
И дай им часть от своего избытка
В знак высшей справедливости небес.

Уильям, это ты к христианскому милосердию взываешь? Откуда оно у них?!

Снова звонит телефон, актёр снимает трубку.

Корделия?.. Нет?.. Нет! В театре меня сегодня не будет. Я дома репетирую — вы же слышали! И завтра меня не будет! Я сыграю Лира так, как ему и не снилось! Но в театре меня не будет, пока он передо мной не извинится!.. Да, так и передайте: пусть позвонит и лично извинится!

Дурацкий «Лир»! Величайшая трагедия из всех трагедий Шекспира — а сколько многословных, затянутых сцен! А конец? Вообще скомкан:

«Всё ж остальное — ужас, мрак, печаль.

Две ваши старших дочери в порыве

Отчаянья покончили с собой».

О чём твой «Лир», Уильям? Отцы и дети?.. Но тогда это Тургенев, а не Шекспир. Ты сам понимал, о чём пишешь? О власти — вот о чём! О власти — даже если об отцах и детях. Нельзя делить страну на части, нельзя! Добром не кончится! Но охочих до власти всегда больше, чем самой власти. И они готовы — делить, резать, кромсать, разрывать на куски, лишь бы урвать и себе кусочек. Пусть самый маленький — но ведь я на нём сам себе король, я поцарствую, я потешу своё себялюбие, а там хоть трава не расти... Тот, кто дорвался до власти, с собой не кончает. Он не знает слова «отчаянье». Пусть в отчаянии будут его подданные — не он! А чтобы никто на его власть не покусился — тройные кольца охраны, электрический ток... Крепость! И спальня в самом неприступном месте... куда никто не

смеет войти, если *хозяин* сам не позовет... В которой и сдохнет в конце концов... в собственной блевотине и дерьме... потому что никто войти не осмелится...

Скорчившись, садится на краю авансцены, закрыв голову руками.

И вот просыпаешься среди ночи... Нет, если «просыпаешься», значит, ещё повезло — повезло заснуть... Мысли скачут... С чего? Страну не раздавал, палашом не махал, а всё равно — то ли зубами скрежетать, то ли материться... Затягиваешься до самого фильтра, на губах горечь, а на душе ещё горше. Да ведь всё вроде сбылось, и заслуженным стал, и народным... чуть не стал... (*Отнимает руки от лица.*) А потому и не стал, что в девяностые все одинаково голодали — и заслуженные, и народные, и самые простые и не заслуженные. Чем мы это заслужили?..

Я ведь ушёл тогда из театра. О! Я в такой бизнес ушёл — деньги дипломатами возил. В одном дипломате — «деревянные». В другом — зелёные. И адреналин какой! Вот сейчас повернёт машина, а из той подворотни — пуля... Дура... Она ведь и попасть может... А потом подумал: а чего ради? Когда-нибудь и правда попадёт, дура... И в театр вернулся. Нет, уже получше стало. Уже зарплату начали платить. Да и адреналина в театре ничуть не меньше: и сцена, и за кулисами...

Подносит к губам воображаемую трубу. Звучит «Hello, Dolly!» Джерри Хермана в исполнении Луи Армстронга.

А ещё, Уильям, откуда у тебя берётся *правильная* власть? *Неправильные* передрались, друг друга поубивали... и тут приходят *правильные*. Или ты верил, что когда-нибудь... может быть, в наше время...

Да, я тоже хотел бы иного финала.

А он... он всегда одинаков...

Твой Леир, твой легендарный одиннадцатый король Британии, твой прототип для Лира, он же начал править ещё в десятом веке до нашей эры! Ого-го, какая у Англии история государственности!.. Нет, у нас, конечно, больше!.. Если от трипольской культуры считать... Помните? Ах, трипольская культура! Ох, трипольская культура! Трипольская культура — то! Трипольская культура — сё! И вот мы прямо из трипольской культуры... и докатились...

А потом он что сделал?.. Да то и сделал — взял да поделил страну между дочерьми!

Вот только не умер, как Лир с Корделией на руках... Нет, он всё вернул! «Своим прекрасным острым палашом...» И правил ещё три года. И после него ещё пять лет правила Корделия. И... всё равно погибла: племянники, охочие до власти, подросли...

Нет, не над ней мы плачем... Над той, в которую свой гений вдохнул Шекспир...

А вот теперь она ушла навеки.

Корделия, Корделия, чуть-чуть

Повremени ещё!

Коню, собаке, крысе можно жить,

Но не тебе. Тебя навек не стало.

Навек, навек, навек, навек, навек!

Вопите, войте, войте! Вы из камня!

Мне ваши бы глаза и языки —

Твердь рухнула б!.. Она ушла навеки...

Простирая руки к залу, актёр стоит на авансцене. Звучит труба Армстронга — «Путники в ночи» («Strangers in the Night» Берта Кемпферта). Позади, в глубине сцены, звонит и звонит телефон. Меркнет свет.

Конец

Автор напоминает о действующем законодательстве, об авторском праве и невозможности постановки пьесы без письменного разрешения правообладателя.